

"Каста прокаженных". Компании юга России в новом санкционном списке ЕС

Екатерина Безменова

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Аэропорт Минеральные Воды, Ставропольский край

Европейский союз принял 21-й пакет санкций против России за войну в Украине: новые меры направлены против банков, нефтетрейдеров, "теневого флота" и доходов России от энергоресурсов. В списках оказался в том числе российский миллиардер ингушского происхождения Михаил Гуцериев, а также ряд действующих на юге России предприятий, астраханский порт, аэропорты Минвод и Ростова-на-Дону и новороссийское агентство, нанимающее моряков для теневого флота.

На юге России в новые санкционные списки внесены:

- Аэропорты в Ростове-на-Дону и Минеральных Водах;

- Южные банки "Кубань Кредит", "Юг-Инвестбанк", "Центр-инвест", "РостФинанс" и "Ноксбанк";
- Принадлежащее "Роснефти" кубанское ремонтное предприятие "КНГ-Машзаводсервис";
- Зарегистрированная в Новороссийске крьюинговая компания "Аквamarin Шип Менеджмент";
- Ростовское акционерное общество "Алюминий Металлург Рус" – крупнейшее на юге России предприятие по выпуску алюминиевых полуфабрикатов;
- Волгоградский комбинат "Красный Октябрь" – один из крупнейших в стране поставщиков металла,
- Ставропольский завод "Электроавтоматика",
- "Калмыцкая нефтегазовая компания"
- Морской порт в селе Оля Астраханской области.

О том, что попадание в санкционный список ЕС означает для южных компаний, а также поможет ли это борьбе с теневым флотом редакции Кавказ.Реалий рассказал эксперт, управляющий партнер TriTrace Investigations Илья Шуманов.

– В новом списке – в числе прочих – есть и достаточно мелкие компании: банки, работающие преимущественно на юге России, ремонтное предприятие "Роснефти" и так далее. Это значит, что крупные цели заканчиваются, или можно говорить о какой-то более точечной стратегии?

– Этот пакет санкций преследует конкретную цель – или несколько целей, по причине которых, собственно, и вводится. И это не выглядит так, будто большие цели заканчиваются. Скорее, у Европейского союза есть приоритеты, по которым он расширяет давление на Россию. В этом пакете можно зафиксировать несколько линий: где-то это продолжение старых приоритетов, а где-то есть новые тенденции.

Если мы говорим про небольшие компании, смотреть надо не на объем этих компаний, а на их роль – в нескольких направлениях. Первое: как они связаны с нефтяным флотом, российской нефтепереработкой, логистикой и инфраструктурой. Либо – связаны ли они с военно-промышленным комплексом и поставками вооружения для войны с Украиной. Либо они должны быть каким-то образом связаны с платежным контуром – блоком, который обеспечивает

финансовые операции и взаиморасчеты между компаниями и странами. Причем я говорю не только про банки, но и про криптосервисы, которые появились в России.

Есть еще один блок – наверное, более интуитивно-логический. Появляется он потому, что идет процесс оспаривания санкций со стороны российских бизнесменов и российских компаний. И речь о том, как правильно выстраивать критерии, чтобы российские бизнесмены продолжали оставаться в санкционных списках.

– В списке и российский миллиардер ингушского происхождения, основатель промышленно-финансовой группы "Сафмар" Михаил Гуцериев. В мае этого года суд ЕС **снял** с него санкции за поддержку режима Лукашенко в Беларуси. Через два месяца Гуцериева внесли уже по "российской" линии. Как эти основания взвешиваются? Может ли он теоретически и тут отбиться в суде?

– Это будет сложнее сделать, потому что уже есть прецеденты – решения по **Роману Абрамовичу** и **Дмитрию Пумпянскому**, которые проиграли суды в Европейском союзе. Они были обозначены как важные для Российской Федерации бизнесмены, деятельность которых является значимым источником доходов для властей и бюджета. И кто бы ни пытался доказать обратное, ни у кого не получалось.

Поэтому тренд, который сейчас есть в судах Европейского союза, для Гуцериева неблагоприятный. Это не значит, что не может быть частной победы: суды всегда рассматривают кейсы индивидуально. Но общая практика такова, что доказать, будто он не получает доходов от российского государства, будет невозможно. Хотя он лично и вышел, доходы получает его семья, а опосредованно – и он. Доказать обратное будет трудно: надо представить все документы, все выписки. Об этом сейчас речь идти не может – слишком большой объем информации пришлось бы предоставить неопределенному кругу лиц, которые дальше будут под микроскопом изучать эти данные.

“ Доказать, будто он не получает доходов от российского государства, будет невозможно

Что касается [дружбы с авторитарным лидером Беларуси Александром] Лукашенко, то это, мне кажется, зафиксированные факты. Понятно, что сейчас он передал часть своих активов белорусским властям, его сын избавился от

криптоактивов. Поэтому важной, влиятельной связи по линии Беларуси у него нет. И в этом смысле, я думаю, европейцы просто чуть-чуть упустили из виду, что Гуцериев на самом деле в первую очередь бизнесмен российского Forbes. Он числится в российском Forbes на 2026 год, и российский Forbes приписывает ему достаточно большой перечень активов, с которыми он связан.

– В списке – ряд южных банков. Что практически меняется для "Кубань Кредита" или "Центр-инвеста"? Это больше символический жест? Как это может отразиться на людях, у которых там вклады или кредиты?

– Думаю, на каком-нибудь ипотечнике, который получил кредит в "Кубань Кредит", это существенно не скажется – ни на нем самом, ни на его взаимоотношениях с банковским учреждением. Мы видели большое количество российских банков, которые попадают под санкции и продолжают действовать в России, используя национальную инфраструктуру. Денежные средства в банках клиентам доступны. Если говорить про внутреннюю инфраструктуру, про внутренние взаиморасчеты, думаю, сложностей здесь не будет. Тем более что Банк России, предполагая такие действия Европейского союза и США, продлевал меры поддержки российских банков. В этом смысле риск и для клиентов, и для банков очень локализуем – за счет того, что операционная деятельность ведется внутри России.

Если брать не все банки, а конкретно "Кубань Кредит" или "Центр-инвест", то, думаю, проблемы могут возникнуть только там, где есть внешнеэкономические платежи, операции, связанные со взаиморасчетами за пределами России. Причем это касается не только Европейского союза, но и широкого круга контрагентов: это могут быть, например, турецкие компании, страны Южного Кавказа и Центральной Азии, с которыми идут операции. Видя, что банк находится в санкционных списках, и боясь потерять корреспондентские счета в европейских банках, финансовые учреждения этих стран, возможно, будут отказываться от операций. Также вырастет стоимость работы со странами, которые не вводили санкций против российских банков и считаются "дружественными", – просто за счет того, что там будут брать более высокие комиссии, а российские контрагенты будут проходить более жесткие проверки. Поэтому внешние международные операции станут менее надежными и, скорее всего, выпадут из основного набора услуг этих банков.

Илья Шуманов

Что можно посоветовать читателям в России: конечно же, не пытаться расплачиваться этими картами за рубежом – вероятность, что они сохранятся, минимальная. Но в целом включение этих банков – это более символический жест, нежели серьезный удар по функционированию этих финансовых учреждений.

– В санкционном списке также есть аэропорты, включая Минеральные Воды и Ростов-на-Дону. Из-за войны ростовский аэропорт Платов закрыт, а вот аэропорт

Минвод сейчас, по сути, один из основных на Кавказе. Что для аэропорта вообще означает попадание под санкции?

– Есть международные рейсы и есть международные компании, которые работают с Минеральными Водами. Это говорит о том, что российский аэропорт все равно завязан на иностранные операции – просто в силу того, что с ним работают международные компании.

Санкции Европейского союза – это запрет европейским компаниям и лицам, которые являются резидентами ЕС, вступать в деловые отношения с этим аэропортом. Что это могут быть за компании? Финансовые учреждения, поставщики оборудования, консалтинг, какие-то IT-решения и так далее – набор вполне понятных сервисных действий, которые российский аэропорт может покупать, а европейские компании – оказывать. У любого аэропорта есть такой международный фокус кооперации. Но, как правило, крупные аэропорты даже под санкциями могут находить посредников, которые предоставят альтернативные сервисы. То есть это не значит, что завтра аэропорт автоматически прекращает внутренние перелеты.

Скорее всего, иностранные перевозчики будут стараться уходить из этих аэропортов, потому что европейские санкции – это большая вероятность того, что санкции в отношении этого аэропорта введут и США. Риски взаимодействия с таким аэропортом повышаются.

“ Риски взаимодействия с таким аэропортом повышаются

Я просто хочу напомнить, что в списке не только Минеральные Воды – там еще и Шереметьево, который гораздо масштабнее и значимее для Российской Федерации.

Любые шлюзы, любые транзакции, любые страховки, любые системы взаимодействия, аренда чего-нибудь в этом аэропорту – все это формирует риски.

Условно, [летающий в Минводы перевозчик] Flydubai должен оплачивать стоянку в этом аэропорту: авиакомпания платит деньги за одно, за второе, за третье, за четвертое. Проще отказаться, чем заниматься комплаенсом и влезать в санкционные риски, – отказаться и предложить другим авиакомпаниям занять это место. Для каких-то стран, для Узбекистана (*Uzbekistan Airways выполняет рейсы между Узбекистаном и Минводами – Прим. ред.*), это критично, конечно же. А вот для Flydubai отказаться от российского сегмента, мне кажется, не очень критично. Можно запустить других мелких перевозчиков – их тьма-тьмущая находится в санкционных списках.

Но в целом я бы сказал так: Европейский союз просто закупоривает отверстия, дырки, связанные с российской логистической системой. И очень важно, что формулировки, которые касались конкретно этих аэропортов, – это участие в операциях, направленных на сопровождение деятельности в отношении Украины. Эти аэропорты используются для военной логистики. И если их включили, значит, этому есть подтверждения – представлено обоснование, есть свидетельства, что это происходит.

Для пользователей аэропортов это, думаю, [будет] сокращение рейсов и, наверное, снижение безопасности – за счет того, что инфраструктура недоступна: недоступны программное обеспечение, технологии. Аэропорт не может закупать их напрямую. Придется либо увеличивать стоимость – то есть она поднимется для перевозчиков, – либо отказываться от них в пользу более дешевых аналогов. А это не значит, что будет качественно.

– Также упоминается в списке каспийский порт Оля. Раньше NYT писал, что его используют для торговли с Ираном, в том числе для поставок компонентов для беспилотников. Как внесение порта в санкционный список может повлиять на эти процессы?

– Не то чтобы порт Оля раньше был невидим с точки зрения санкционных рисков. Существенно, что это действительно важная часть каспийского маршрута торговли с Ираном. Вопрос – в объеме торговли и в том, насколько это было важно и нужно Европейскому союзу: прямое иранское направление ЕС, наверное, долго всерьез не рассматривал, хотя есть поставки дронов, есть нефтяная логистика. Сейчас решили присмотреться к этому каналу – убивая двух зайцев: ограничивая возможности Ирана и повышая издержки России.

Сам по себе это порт, через который, как я понимаю, идет логистика из Ирана в Россию, связанная с поставкой дронов, ракет, каких-то других компонентов, которые используются для войны в Украине. Есть компании, которые производят дроны, и есть компании, которые обслуживают перевозки и предоставляют для них инфраструктуру. Вот в отношении этих компаний сейчас и вводятся санкции. Для европейских страховщиков, поставщиков услуг возникают такие же риски, как и с аэропортом Минеральных Вод. А то, что это удобный маршрут для обхода санкций и военных перевозок, – видимо, не секрет. Суда ходят без включенного транспондера (*устройство, предоставляющее другим судам и береговым властям информации о местоположении и идентификации судна – Прим.ред.*). Там невозможен перехват судов, как это происходит в других акваториях, близких к Европейскому союзу. Трудно мониторить издалека, что там происходит, потому что нет визуального доступа к этим территориям. Ну и, собственно, Иран и Россия –

дружественные друг другу страны: между ними может происходить все что угодно.

“ Иран и Россия – дружественные друг другу страны: между ними может происходить все что угодно

С точки зрения эффективности санкционные ограничения, думаю, будут низкими – из-за того, что этот каспийский коридор важен для России и Ирана, а порт не сильно зависит от международных операций. Наверное, это закладывалось в первоначальные риски его

функционирования. Это не основное направление для России в целом. Но как дополнительный инструмент сокращения поставок, затыкания последних дырок, которые остаются, – вполне себе релевантная цель для Европейского союза с учетом того, что любовь к Ирану отсутствует и любовь к России отсутствует. Вот и попадают в списки компании, которые занимаются обеспечением поставок нефти из России в Иран. Есть и военные поставки, которые зафиксированы расследователями и, по всей видимости, известны Европейскому союзу.

– Тут же, говоря о судоходстве: под санкции попала и крьюинговая компания в Новороссийске, которая помогает нанимать моряков, "Акварин Шип Менеджмент". Поможет ли это в борьбе с теневым флотом?

– Крьюинг – это интересная инновация, связанная как раз с обеспечением функционирования теневого флота. По-моему, это первая крьюинговая компания, которая фигурирует в санкционных списках в этом контексте. Раньше это всегда были либо продавцы, либо суда, либо посредники. А вот именно по кадровому потенциалу теневого флота – по-моему, такое произошло впервые.

Но важно, наверное, другое – не то, что компания была включена сама по себе, а обоснование. Оно заключается в том, что компания поставляет людей, а эти люди и суда, на которых они работают, вовлечены в очень опасную практику перевозки нефти: без нормальной страховки, без включенного сигнала AIS (*система в судоходстве, служащая для идентификации судов, их габаритов и курса – Прим. ред.*), с непрозрачной структурой, где невозможно выяснить, кто реально владеет судном. Поэтому бьют по тому, что видно, – а видны крьюинговые структуры.

Пожар на подсанкционном танкере Kairos, принадлежащем теневому флоту России, у черноморского побережья Турции после удара морских дронов. 28 ноября 2025 года

Это бутылочное горлышко для российского теневого флота, потому что компаний, которые занимаются набором персонала, не так много, и находятся они не только в России. Это очень маленький рынок – в мире сотни больших компаний, которые этим занимаются. Другие увидят, что происходит с конкретным "Акварин Шип Менеджмент", и подумают десять раз: есть новороссийская компания, которая этим занимается, – а какая разница для Европейского союза, в отношении кого вводить санкции? Лучше мы просто откажемся от обслуживания такого флота. Либо будут создаваться специальные кадровые, крьюинговые компании именно для теневого флота, для обеспечения этой инфраструктуры – и ни для чего другого. Большой бизнес на этом не построить. Будет каста прокаженных, которые обслуживают именно теневой флот: посредники, крьюинговые компании, страховщики и так далее – весь этот теневой рынок вместе с теневым рынком посредников.

Разумеется, такая стратегия никакой теневой флот не остановит, просто набирать людей на эти суда станет труднее. Но важно, что Европейский союз впервые создает прецедент для расширения санкционного инструментария – в отношении того, кого можно подавить, чтобы уменьшить эффективность теневого флота. По факту, если перекрыть нескольких посредников, страховщиков, крьюинговые сервисы, сами суда станет гораздо труднее эксплуатировать – просто потому, что для функционирования теневого флота требуется большая, значимая инфраструктура, в том числе международная. В этом плане Европейский союз

поступает очень интересно: это меняет подход – давление на теневой флот идет с другой стороны.

– Часть предприятий из санкционного списка (волгоградский "Красный Октябрь", ставропольская "Электроавтоматика", алюминиевый завод в ростовской Белой Калитве) давно работают на гособоронзаказ, но внимание в санкционных списках ЕС на них обратили только сейчас. Почему так выходит?

– Смотрите, логика включения в санкционный список любой компании – это юридические подтверждения того, что компания является поставщиком техники, оборудования для Вооруженных сил России, которые воюют в Украине, что она вовлечена в поставки. Надо описать и доказать цепочку: аргументированно показать систему взаимодействия компаний, источник происхождения, оплату и так далее. Если этого нет, юридически включить в список, может, и можно, но в Европейском союзе так не практикуется: без доказательств включение в список невозможно.

Например, кто знает, чем занимается алюминиевый завод, какая-нибудь коммерческая компания, которая производит алюминиевые профили? А вот то, что эти алюминиевые профили используются в ВПК и что оборонным предприятиям, находящимся в санкционных списках, поставлено продукции на сумму более \$168 млн, – это уже вполне аргументированное основание для включения этой коммерческой компании.

Сталелитейное производство, иллюстративное фото

Дальше – корпорация "Красный Октябрь", производитель специальной стали. То, что она используется для ремонта вооружения и военной техники, надо доказать. Видимо, они это доказывают. То же самое "Электроавтоматика": есть доказательства, что она является подрядчиком по государственным контрактам на военную продукцию Министерства обороны.

По каждой компании составляется детализированное досье, и в списки включаются те, по которым есть четкие свидетельства. Не потому, что мы логически предполагаем, что они что-то делают: когда ты смотришь на такую компанию в публичной сфере, ты этой информации, может, и не увидишь. По каждой из них было какое-то расследование.

Это не элемент "созревания" – просто долго собирается совокупность доказательств. А по некоторым структурам требуется еще и политический консенсус – когда речь о спорных активах или о компаниях, которые работают за рубежом: всплывают третьи юрисдикции, и, чтобы не испортить отношения с другими странами, выстраивается политический консенсус о необходимости санкций. По российским юридическим лицам с этим проблем особо нет.

Поэтому в 2026 году – это, наверное, такие хирургические операции, которые Европейский союз проводит на российском рынке: финансовый сектор, индустриальный комплекс, логистический комплекс – и недобитки. Гуцериев случайно выпал из колоды – теперь его включают уже по другим основаниям. Пару месяцев просидел вне санкционных списков, но, думаю, не успел разморозить свои активы. Тем более он до сих пор находится под британскими санкциями.

– Чего можно ожидать от следующих санкционных пакетов?

– Давайте посмотрим по секторам, потому что они очень разные. Про конкретные фигуры говорить не буду: мне кажется, в эту сторону Европейский союз уже сильно не смотрит. Может быть, люди и будут, но это уже, скорее, директора компаний. В этот гигантский "список смерти", который они составляют, могут попасть руководители и собственники компаний, крупные российские компании по целым отраслям – те, кто генерирует доход, связанный с военно-промышленным комплексом, и является косвенным источником дохода Российской Федерации.

Что касается отраслевых направлений – они идут в сторону расширения санкций в отношении теневого флота и связанной с ним инфраструктуры: нефтепереработки, перевалки и так далее. Мне кажется, дальше будут морские суда, которые занимаются перевозками, компании-страховщики, компании, которые

занимаются бункеровкой, перевалкой, крюингом, конкретные порты и логистические компании. То есть от портовой инфраструктуры будут идти вглубь.

В этом санкционном списке, например, есть иностранная компания – нефтеперерабатывающий завод в Грузии. Это хороший пример того, что санкционные списки расширяются невзирая на юрисдикции – просто за счет того, что бьют не по величине, а по целевому назначению того или иного юридического лица. Все направления, которые я перечислил, где есть нефтяная, нефтегазовая или военная кооперация, будут в зоне приоритета.

Что может быть еще? Конечно же, финансовый сектор и любые платежные средства. Особенность криптопосредников в том, что они мультиюрисдикционны. Они не находятся конкретно на территории России, работают по разным юрисдикциям, физически могут находиться в Дубае или где-то еще. В этом смысле Брюссель идет в сторону расширения географии по этим цифровым и альтернативным расчетам. Вторичная банковская и платежная среда сейчас становится для них новым направлением. Банки в основном все под санкциями – что дальше делать, как Россия обходит? Это игра в кошки-мышки: банковский сектор под санкциями – начинают появляться альтернативные посредники; альтернативных посредников хлопают – появляются крипторасчеты. Расчеты выводят в тень настолько, насколько это возможно, – чтобы даже небанковские системы расчетов тоже попали под санкции.

“ "Суперпакет" не закроет полностью все дырки, все возможные ограничения для международных компаний, которые ведут деятельность с Россией

Третий блок – это, скорее всего, расширение географии. В этом санкционном списке есть Китай, Гонконг, Индия, Турция, Арабские Эмираты, Грузия. Раньше Европейский союз очень осторожно вводил санкции в отношении компаний из других юрисдикций – сейчас это общее место. Поэтому география новых пакетов будет гораздо шире, и не обязательно у компаний-посредников будет российская прописка.

Дальше идет детализация – углубление в цепочки военно-промышленного комплекса, когда речь о поставках стали, условно, болтов, алюминия для производства ракет и БПЛА. Вовлечена компания хоть как-то в производство БПЛА – попадает под санкции. Участвуешь в цепочке поставок любого военно-промышленного холдинга – попадаешь под санкции. Причем целиться будут, понятно, не только по конечным производителям оружия и техники, но и по всем, кто вовлечен в цепочку поставок: металлы, электроника, навигация, ремонт, обслуживание техники, хранение и так далее. Вовлечен – пожалуйста, получай.

Чем дольше идет война, тем меньше возможностей не вовлекаться в военные производственные цепочки. Поэтому это вопрос времени, когда все ключевые предприятия попадут под санкции: сколько будет длиться война, столько будут расширяться санкционные списки.

И последнее – это попытка предсказать действия тех, кто борется с санкциями в судах, чтобы санкционный режим стал более плотным. Чтобы не было зазоров, которые через юридические действия позволяют из-под санкций выйти. Санкции закрывают главные возможные дырки защиты: появляются критерии, которые оспорить уже невозможно. То есть это не значит, что ты напрямую связан с Путиным. Ты – ведущий бизнесмен, чьи компании генерируют выручку в России. Попробуй от этого отстройся – практически невозможно: надо бросить все российские предприятия, выйти... Это не вопрос одного дня и даже не одного года. И как на это будут смотреть российские власти – тоже вопрос.

Поэтому ждать какого-то гигантского "суперпакета", о котором говорят, наверное, можно. Но в любом случае "суперпакет" не закроет полностью все дырки, все возможные ограничения для международных компаний, которые ведут деятельность с Россией.

Этот пакет – это не "последней ложечкой выскребаем последние российские юридические лица", а более-менее осмысленная система санкций, заточенная на очень болезненные для российской экономики точки. Каждый фигурант этих списков – назовем так, в соответствии с критериями Европейского союза – попадает в санкционный список заслуженно: по каждому есть юридически грамотное обоснование, которое устоит и в суде. По сути, это продолжение логики: меньше охоты за громкими фамилиями – больше фокуса и болезненных ударов по тем элементам, на которых держится военная экономика.

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

